

фету от ушедшего столетия. Процесс разработки просветительского историзма не просто продолжался — он убыстрял темп своего развития и подготавливал его качественное изменение. Диалектика этого процесса состояла в том, что углубление философской основы просветительского историзма создавало условия для перехода его на новый уровень — романтического историзма (главным образом в странах Западной Европы) и реалистического историзма (в России — Пушкин).

Осуществлению преемственности способствовала практическая деятельность в новом столетии Державина, Карамзина (его громадный труд «История государства Российского») и Радищева. Его сочинения, написанные в ссылке, пожалуй, с наибольшей полнотой запечатлели все особенности просветительского историзма в его индивидуальном преломлении писателем-революционером. Они-то и были изданы сыновьями писателя в шести томах (без «Путешествия из Петербурга в Москву» и оды «Вольность») в Петербурге в 1806—1811 гг. Несомненно, издание сочинений гонимого самодержавием писателя было явлением незаурядным. Оно не могло не привлечь внимание литературной общественности. Читал эти небольшие томики и Пушкин, впервые еще в лицее.

Какова роль этих сочинений в литературном процессе начала XIX в.? Как усваивались и какие именно идеи привлекали писателей? Вопросы эти остаются без ответа, ими не занималось литературоведение. Изучение радищевского историзма в условиях нарастающего интереса к проблемам истории в 1800—1810 гг. может ответить на эти вопросы.

Должно учитывать и то обстоятельство, что интерес к истории, стремление разгадывать тайны ее развития в первые десятилетия XIX в. проходили в новых исторических обстоятельствах и на ином уровне. Крушение французской республики и приход к власти Наполеона, объявившего себя императором, нарастающее разочарование в просветительской философии в связи с тем, что французская революция не обеспечила обещанного торжества царства разума, с одной стороны, а с другой — Отечественная война с ее патриотическим подъемом, нарастающее в среде передового дворянства недовольство режимом рабства и деспотизма русского самодержавия, которое привело в 1825 г. к восстанию, — все это настойчиво заставляло обращаться к опыту истории, чтобы там искать ответы на жгучие вопросы современности.

Вот почему и в странах Западной Европы, и в России мы наблюдаем дальнейшее развитие принципов исторического мышления. Русские писатели не только осваивали достижения и открытия своих соотечественников, не только продолжали, правда, уже новыми глазами, читать Гердера, но внимательно следили за новыми работами западных мыслителей и писателей: Сисмонди, де Сталь, а с середины 1810-х гг. — В. Скотта.